

ЕЛЕНА
Волкова

НЕЗАМУТНЕННАЯ *и* НЕОТРАЗИМЫЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Сладкая СИБИРСКАЯ
ПАРОЧКА

18+

Елена Волкова

**Незамутненная и Неотразимый.
Сладкая сибирская парочка**

«Автор»

2026

Волкова Е.

Незамутненная и Неотразимый. Сладкая сибирская парочка /
Е. Волкова — «Автор», 2026

– Что это?– Букет для свидетельницы, – гадко улыбается Давид. – Для тебя. Специально выбирал. Стою. Держу. Так. Они пластмассовые. Пластмассовые! Ладно. Хватаю воздух огромными порциями. Видит Бог, я не хотела этой войны. И не я ее начала. Аккуратно ставлю нечто желтое на подоконник. Где мои сияющие доспехи? Клянусь, я бы надела их и показала Бесаяеву небо в алмазах. Но я не успеваю воздать по заслугам обидчику, потому что на свадьбе наших друзей начинаются конкурсы. И кто там должен отдуваться? Правильно! Я и Давид. Свидетели, которые терпеть друг друга не могут.

© Волкова Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Елена Волкова

Незамутненная и Неотразимый. Сладкая сибирская парочка

Глава

Глава 1.

— Ты мне на ногу наступил! – задыхаясь шепчу, психую неимоверно. – Слышишь ты, медвежатица!

Бесит. Мышцатый центнер в смокинге. Позер! Выпендрежник. Нашли свидетеля на мою голову. Никого получше что ли не было. Имечко еще дебильное. Давииид! Тьфу!

— Согласны ли Вы, Светлана Сергеевна Брусничкина, взять в законные мужья ...

Не выдержав, придвигаюсь ближе к пафосному дружку жениха и втыкаю палец в щеку. Ноготь трещит. Закусываю от боли губу. Не орать, Линка. Ты свидетельница на свадьбе у подружки. А этот урод свидетель.

— Уймись, придурочная, – шипит, отступая назад.

Закатываю глаза от облегчения. Нога. Боже мой. Она оживает. Чувствую, как кровь циркулировать начинает.

— Сам ты придурок! – сквозь зубы шепчу.

На нас начинают оглядываться. Мило улыбаюсь в ответ.

Все. Всеооо! Стоим тихо.

Бесит все равно.

Сразу не сошлись характерами. При первой же встрече повел себя как надменный идиот. Видите ли художники ему странные и незамутненные. Прямо так и ляпнул. Еще и за глаза мой зад обосрал. Не любит он, видите ли, выдающиеся горные перевалы.

Спотыкается об них. О них ... Об их ... Об тебе-об мене! Какая разница!

Ааа!

У меня всего размер сорок шесть, возможно с половиной. И то только низ. Обсуждает он. А я все слышала.

И на ногу наступил специально. Вымещает за то, что в кафе сироп прямо на башку вылила. Мстила за комментарии пятой точки. Объяснила же – спотыкнулась (намеренное искажение выражений, героиня злится до белых глаз. Если что Лина грамотная, просто не в себе сейчас – прим. авт.)

— У тебя платье сзади зажевало, – глядя вперед, по-змеиному улыбается.

На лбу выступает пот. Черт. Я же до начала церемонии в туалете была. У меня стринги, а платье многослойное. Неужели что-то попало куда-то.

Стою с каменным лицом, неспеша завожу руку назад. Медленно тискаю ткань и ... есть немного. Одна складка запуталась. То есть не запуталась, а именно зажевало. Наливаюсь краской.

Бесаев это видел, так?

Видел.

Челюсти от обиды сводит. Также не мигая таращусь перед собой. На кого мне злиться? На свою Мадам Сижу? Поправилась чуток и что?

Ненавижу! Не-на-ви-жу!

Скашиваю глаза вбок. Лыбится падлюка.

— Тебе показалось.

— Мда? Просто у кого-то слишком большая Ж.

— Заткнись!

Я сейчас ему глаза вырву. Прибавила всего лишь три килограмма. Заедала стресс. У меня вдохновение пропало, заказчик не купил вторую по счету картину.

Не бесаевское собачье дело какая у меня ягодичная зона.

— Согласны ли Вы, Булатов Алесандр ...

Хмыкает. Всем видом выражает свое пренебрежение. Обвожу взглядом зал. Да на него тут все дамочки слюни развесили, есть отчего шкалить ЧСВ. Сейчас я его немного потушу.

— Давидик, – по-человечески сердечно зову. У Бесаева дергается глаз. Напрягается в ожидании. Прааальна, так и надо, напрягайся. Злорадствую по-черному. Отлично. Лови фашист гранату. – У тебя писюн крошечный, раз на мне решил плоское чувство юмора отточить? Девки совсем не дают? Че морда такая злая?

Морда реально вытягивается. От полыхающего пламени в глазах приседаю немножко. Закипела в жилах кровушка, да? Неотразимый вытворяется, как будто ему что-то реально оторвали.

— Показать?

— Не надо!

— Я могу, – медленно тянется к ремню. – Хочешь?

— Не надо сказала.

— Ссыканула?

— Что за слово? – зверею. – Ты как со мной разговариваешь?!

Не хватало тут еще устраивать демонстрации. Вызывающе хорохорюсь, но как ни выкруживай – опасаясь. Весна. У людей обострение. А то правда штанишки сбросит, кааак покажет. Такую свадьбу гости на всю жизнь запомнят, а Булатовы меня укокают за провокации. Задела самое сокровенное, что ж теперь. А не надо было меня трогать. Задираю нос.

— Художница, – рычит, – незамутненная.

— Властью, данной мне ...

— Да иди знаешь куда! – давлюсь негодованием. – Болван неотразимый.

Бабах!

— Объявляю вас мужем и женой.

Все подходят, поздравляют Булатовых. Давид тоже куда-то сматывается. Слава Богу! Хотя бы подышу кислородом. Вокруг столько цветов, я стою как отморозенная.

Мммх. Кажется, разбудила вулкан. Отмираю, быстро бегу к Лане с Сашей. Собираю букеты, складываю. Их так много. Молодых завалили розами, лилиями, кто-то пионы притащил. Где только взяли!

Красотищааа!

— Линочка, – шепчет Булатова, – умоляю дай, пожалуйста, косметичку. Блеск, – показывает на смазанные губы.

Саша ее зацеловал.

Нервно подмигиваю, вприпрыжку несусь за помадой. И вдруг на пути врезаюсь в Давида.

В руках плошка с цветами. Желтыми! Она такая пыльная и замызганная, что даже жалко растение. Паутины капек! Непонимающе поднимаю глаза на придурочного.

— Что это?

— Букет для свидетельницы, – душевно говорит, будто мы столетние близкие друзья. – Специально выбирал. Эксклюзив. Держи.

Всовывает в руки исчадие и сразу сваливает.

Стою. Держу. Это что такое???

Таак. Они пластмассовые. Пластмассовые!

И еще злосчастные цветочки сверху формой похожи на нее. На точку эту. Мою в смысле. Так разве бывает?! Цветок похож на Ж.

Ах, ты ж падл... То есть гадский гад.

Ладно. Хватаю воздух огромными порциями. Ладно я сказала. Прищуриваюсь, ловлю свое отражение в зеркало. Господи, что там за ведьма с всклокоченными волосами и перекошенным лицом?! Натужно сама себе улыбаюсь. Нет. Так еще страшнее.

Видит Бог. Я не хотела этой войны. И не я ее начала.

Аккуратно ставлю нечто желтое на подоконник. Мстительно беру в прицел Бесаева и забыв про блеск направляюсь к неотразимому Дону Педромэну (понятия не имею кто это, видимо, страшное ругательство по мнению ГГ – прим. авт.)

Глава 2.

Мне никто не даст арбалет? Я просто-напросто хочу вырубить тамаду. Тамаду и его конкурсы.

— Боже мооой, – закусывает губу Лана. – Саша, кто ему в руки микрофон дал?

— Да ладно, пусть оторвется, – смеется Булатов. – Дядька не так часто в гости приезжает. Он очень радуется за нас, детка. Еще пара конкурсов и все нормально будет.

Лана поворачивается ко мне. Угорает.

А мне не смешно.

Товарищ дядя Вася так-то нормальный мужик. Он в своем сельском клубе главный культ-массектор. Вот и исполняет на свадьбе у Саши. Подароок! И ладно бы других задеиствовал, он меня замучил. Я уже в трех отдувалась. Даже козлу Бесаеву замстить не успела.

— Потерпи, пожалуйста, – шепчет.

Что ради подруги не сделаешь. Вдыхаю, но, конечно, терплю. Свадьба огонь! Если по-честному. Тут всего в достатке. Весело и с душой. И стилия хватает, и откровенной по-настоящему нашей русской веселости. Безбашенной и родной.

— Не бери в голову, – обмахиваюсь.

— А где Давид, что ты одна все время за свидетелей выходишь? – осматривает зал.

Морщусь, будто пропавший суп глотнула. Вооот! Вот в чем дело. Вот моя основная причина раздражения. Этот индивидуум ушел в известном направлении с обильно пускающей на него слюни девицей.

А я тут отрабатывай.

— Да чтоб его понос пронес! – рывкаю. На вопросительное взгляд подруги поправляюсь. – В смысле думаю он где-то там. Ну, Лан, сама по суди. Так жрать! Будто с голодного края.

— Да пусть ест. Не жалко. Дава путем не питается. Пашет, как конь.

— Ну вот. Готовился, – разливаюсь ядом.

— На сцену приглашаются свидетели!

Краснею от злости, глядя на молодых. Булатов поперхнувшись от дикого ржача сгибается. И за ним моя предательница подруга подхихикивает. Вот заррраза! Что с них взять. Муж и жена одна сатана.

Но я тоже жизнью битая. В смысле конкурсами.

— Дорогой дядя Вася! У нас отмена. Свидетель отлучился по скоропостижным обстоятельствам. Иду на поиски, – пячусь на выход. – Как только розыск увенчается успехом, мы ваши на веки!

Сбегаю, пока не опомнися.

Судя по тому, как Сашкин дядя ангажирует теперь каких-то родственников, он нисколько не обиделся.

Выдыхаю.

Пронесло.

Ноги сами несут меня пройти. Надо чуть-чуть выдохнуть. Пойду что ли в беседку немножко посижу. В снежно-мартовскую. Кутаюсь в огромный норковый шарф с помпонами, нужно подышать. Аккуратно ставлю ноги в туфельках на почищенную от наледи и снега дорожку. Весна у нас, конечно, снежная. Упасть, как чихнуть, но я упрямая. Гулять так гулять. Лучше здесь, чем отплясывать, гоняя вокруг стула как бешеная кобелиха.

— Ммм. Ом-ном-ноом ... Уф-ф-ф. Ау. Оу! Ааау!

— Т-с-с-с. В ротик можно?

Что это? Это что такое я спрашиваю??? Оперетта на выезде?

В голове тысяча мыслей проносится. Я не ханжа и не пуританка. Но! Там настолько порнушная возня, что плохо и стыдно становится. Это голос медвежатины. Нет, ну вы гляньте какой бессовестный. Прямо ничего не стесняется.

От негодования сношу дурацкую вазу с цветами, пытаюсь смотаться из вертепа побыстрее. Все падает, раскалывается и ооо! Ужас! Стою и не знаю, что делать.

Собрать? Вдруг Булатовых за это оштрафуют? Это же украшения от заведения. На хрен я сюда поперлась?!

Топчусь, не зная, что делать.

— Какого черта?

Из беседки выходит всклокоченный Бесаев и не стеснясь застегивает брюки, зло щелкает ремнем. Я клянусь, что не хочу, но внимание падает прямо туда. У него эрекция! И ни хрена там не корнишон. Отсюда вижу несмотря на подслеповатость.

Шлагбаум какой-то.

— Интересно? – с разгона наезжает. – Чего вылупилась?

Следом за Бесаевым выползает растрепанная девица. Недовольно на меня таращится. Нарочито поправляет вычурное манто и прическу. Вот это грудь. Я со своей иду просто в лузеры. Против нее — минус два.

— Хочу и смотрю, – огрызаюсь.

— Вот и иди назад.

— Да шиш тебе, – во мне просыпается заноза. – Я должна одна вытягивать конкурсы, пока ты по беседкам шарисься. Иди давай, отрабатывай шаферскую бутоньерку. Потом пообжимаешься по кустам. Озабоченный.

Леопардовая дева, шепнув что-то на ухо Бесаеву, удаляется активно виляя бедрами. Оборачивается еще и лыбится зазывно. Глянь соблазнительница какая. Давид смотрит ей в след с сожалением.

— Платочек носовой дать? – вежливо спрашиваю. – Сопли утрешь. Гляжу, еще секунда и зарыдаешь.

Глава 3.

Я сейчас ее задушу. Потом откачаю и еще раз задушу.

У Ланки что других подруг не нашлось? Долбанутая какая-то. Подколол насчет жопы, что теперь убить меня? Да и не жопа было дело! Просто ляпнул. Мне вообще маленькие задницы не нравятся, если что.

Дело совсем в другом.

— Слюни лучше приberi.

Душевно советую.

— Какие слюни? – с наездом.

— По мне какие пускаешь.

Ремень дебилный. Распускаю еще раз, пытаюсь попасть в паз. Сука! Я даже не успел ничего. Такая баба ушла. Сокрушаюсь, поливая художницу на чем свет стоит.

Принесло же ее. Не могла на полчаса позже прийти. Я на сухпае неделю! У меня токс уже.

— Мечтай. Да я с тобой на одном поле ...

— Что на одном поле? – справляюсь с ремнем.

Вот. Опять этот взгляд. Как на кусок дерьма таращится. Вот именно за этот взгляд она и получила характеристику своей пятой точки. На меня никто никогда так не смотрел. Какого хрена ни с чего заслужил при первом знакомстве ведро ледяного презрения?!

— Гулять не буду.

— Аа. Я думал другое что.

— Заткнись! – краснеет.

— Слушай, Лин, а чего ты взъелась так? – наплевав на все, строю глазки в надежде что растает и еще там попрыгает в конкурсах, а я пока леопардиху догоню. – Я тебе ни на что не наступал.

Предпринимаю попытку к примирению.

Ее отметаю тут же.

— Ты котом на меня не пялся. Это для таких, как эта дамочка, – показывает на ушедшую в туман. – Я никогда ни за что не поведусь на такого, как ты. Понял?

— Не предлагал вестись. Окстись, Лина, – подкалываю. – Всего лишь коротенькое перемирие.

— Никогда. Ни за что. Ни в жисть.

И сама уходит.

Как проклятия отсыпала.

Вот же пакость. Как дать бы поджопник. Хлестануть бы ей с оттяжкой.

Плечусь за мегерой следом. Не потому, что она! А потому что Сашка мой друг. И да, уже нужно появиться на свадьбе.

Вот хорошо Макс. Пьет и пляшет. Нормас вообще. Хотя с его Никой там особо не напьешься. Падлюки, по переженились все, а тут ходишь по беседкам трешься.

— Вот и наши свидетели, – орет неугомонный дядя Вася. – Мне разрешили провести последний. Идите сюда свидетели! Сейчас будет самый огненный и страстный конкурс!

Че за дебильство? Таращу глаза на счастливого Булатова. Ржет сука.

Этого разгулявшегося деревенского тамаду со сцены кто-нибудь уберет?! Хотя всем весело, вон даже самые напыщенные гости оттягиваются, как могут. Про всякие великосветские понты забыли. У меня четкое ощущение, что попал в любимый матушкин сериал и отжи-гаю на сельской свадьбе, танцуя на газетке.

— Взяли своих половинок на рукиии, – заливается Василий чтоб его не знаю как по отчеству. – Тан-цуем!

— Бесаев, что стоишь? – кричит подвыпивший полкан, подставляя руки своей дородной жене. Довольный. Морда красная, веселая. – Приказ исполнять! Желтые тюльпаны! Та-ра-ра! Чета там разлуки! Ла-ла-ла! Света запозд ... Ох, ёпта! Держись, мать. Не сосклизни! – молодецки орет жене. – Утренней звездыы! – с натугой. (песня Н. Королевой «Желтые тюльпаны» – прим. авт.)

— Боже мой, – стонет Лина. – Ну нет же! – страдальчески.

С неприязнью фыркаю. Стонать нечего. Не ей меня таскать, совсем наоборот. Вот за что нас мужикам достается?

— Лезь давай, – складываю руки лодочкой.

Она скептически разглядывает конструкцию. Дергаю бровью. Что опять не так?

— Пониже опусти, – плюется огнем.

Вокруг народа уйма. Все поют допотопный хит. У состава от напряжения рубашки из брюк повывлетали. С тоской понимаю, что мне сейчас тоже нелегко придется. Ну вот куда она столько жрала? Похудее бы кого. Хотя кого? Леопардиха уже смоталась.

— Допрыгнешь.

Мне показалось или она сказала сейчас «хер с тобой». От наглости опускаю руки. Лина чуть приподнимает платье. Мелькают тонкие щиколотки, красиво закованные в бомбезные туфли. Херасе там ремешок. Все сверкает. Цапнув когтями за плечо, грациозно влетает в руки, только успеваю подхватить.

— Это что такое ... Не тяжелая вообще ...

— Ты уедешь скороаа! – полкан надрыгается вместе с супругой. – Та-ра-ра-рам шумный горааад!

Снимаю шляпу. На второй куплет мужик пошел. Теперь точно со спиной сляжет, в его жене около восьмидесяти кг.

— Эй, – щелкает легонько по щеке.

— Охренела? – рычу.

— Двигайся давай.

Тут да. Еще танцевать надо.

Складки платья путаются везде. Мешают. Не оторвешь же. Пытаюсь что-то изобразить. Линка лягается и зверски рычит, чтобы скакал активнее. Нам надо победить во чтобы то не стало. Иначе дядя Вася может продолжить.

Да ну нахер!

— Короче, сиди спокойно, – предупреждаю, задумав маневр, – не дергайся. Так удобнее будет.

Перекидываю вредину в воздухе. Она охает и кольцует ногами мою поясницу. Наконец складки ложатся куда нужно. Кульбит активно приветствуется гостями скабресным улюлюканием. Ооой, вот не надо. Все для удобства если что. Ну и победы.

— Ты офигел? – летит огненный яростный шепот в ухо.

Руки хомутом ложатся на шею. Злобно дышит. Хоть бы не откусила чего.

Только теперь чувствую на лице мягкие пряди волос. На минуту подвисяю. Вдыхаю тонкий цветочный аромат.

Пахнет как ... Зачет.

— Что ты меня нюхаешь? – возмущается. – Пляши давай! Второй куплет заканчивается.

— Как ты меня достала, – на эмоциях сжимаю то место, за которое держу.

Взвизгивает, вцепляясь ногтями в затылок и шею.

Мне похрен, потому что ее задница у меня в руках. Мои лапы сто процентов потерялись в газовых складках многослойного платья.

Короче.

За все зло, за все мои сгоревшие нервы, за пролитый сок, за то, что она меня бесит. Эээх! Помирать, так с Королёвой! Нагло шупаю зад художницы.

— В том, что разбились мечты! Не виноваты цветы! – ору, таращась в выкаченные глаза. – Пластмассовые тоже! Оуо!

— Желтые тюльпаны! – подскакиваю от взывшей жены полкана.

Ох и горластая.

— Я тебе сейчас, – каменеет Лина. Глаза вылазят так, что страшно становится. – Прокушу шею и выпью всю кровь. Убери. Свои. Лапы.

Сжимаю еще сильнее, вызывая подмигиваю. Лови еще, вампирша! Да чтоб я тебе ночью приснился!

Сжимаю еще. И еще. И еще!

Вот это подушечки. Ну сдохнуть можно. Упругие, фигуристые, так и тянет жмакать.

Зачем обозвал ее? Назло ведь. Это мой самый любимый размер. По спине прокатывает волна. Загуляв по голодному телу, плавно перетекает в живот. Плавно двигаю Лину на себе, пытаюсь попасть в ритм.

— Скотина. Если еще раз тронешь, я тебе не знаю что! – ругается.

Скашиваю глаза вниз. Глубокое декольте расходится сильнее. Туда-сюда подскакиваю бодрым козликом. И грудь тоже подскакивает. Невольно сглатываю набежавшую слюну. Что-то мне пиздец как поплохело сейчас. У меня что ... встает на нервную истеричку?

— Просто держу, – в сторону отворачиваюсь. – Не придумывай.

— А сейчас что? – вжимается губами в пылающее ухо.

Из живота сливается ниже. Контролировать уже не в силах ни хрена. Гр-р-р! Ух, ты. Что ж так м-м-м. Фуух! Трясу башкой.

Дава, это физиология. Ты просто не трахался давно. У тебя и на забор сейчас встанет. Уговариваю себя.

— Желтые тюльпаны! – орет вся свадьба.

Поправляю Линку, она подскакивает и нечаянно соскальзывает. Едва успеваю подхватить. Лина плотно проезжает по поднявшему голову голодному бугру. Злится. Вся трясется от ярости.

— Убери от меня это!

— Что «это»? – тоже злюсь на свою внезапную эрекцию.

— Грязное похотливое животное!

Сверкает глазюками, будто молнии рассыпает. Что за поганый характер у человека, а? Ну гадость! Ведет себя, будто она монашка, а я лесной разбойник. Да на хрен она мне нужна! Ссаживаю с себя, отхожу на шаг назад.

— Иди уже, истеричка. Кстати, мы победили. Долбанутая.

Сваливаю покурить. Что она меня так вымораживает, м? Иду насвистываю.

Света запоздалой ... Утрен... Тьфу, бляха-муха! Вот привязалось-то!

Глава 4.

Кто придумал вторые дни на свадьбах? Но нет худа без добра. Сегодня молодежью отрываемся. Благодарю судьбу за отсутствие неугомонного дяди Васи. Ой, что я ною. Ну хорошо же здесь. Хороший дом у Ермакова. Лес, речка, рыбалка, баня. Все дела.

Шашлыки еще, куда же без них.

Порисовать, что ли? Прикидываю чем можно вдохновиться. И ну ее на фиг. Не буду. Опять сейчас черт придурочный доканывать начнет. Нейдется ему. Ненавижу Бесаева! Мозоль. Волдырь долбаный.

Брожу по берегу. Снежок еще лежит. Втягиваю сопли. Это последствия от того, что вчера гоняли все раздетые. Вот Давидик даже беседкой не погнушался в холод. Приперло ему. Тьфу! Кстати, леопардиха тоже тут. Не отлипает. Всего слюнями залила.

— Линааа, – кричит Булатова. – Иди сюда.

Они там кучкой у мангала тусуются. Девчонки суется около стола. Помочь нужно, а то некоторые слюнявые дамочки от добычи не отлипают.

Натягиваю капюшон, заправляю растрепавшиеся от ветерка волосы. Все равно хорошо. Солнышко светит и вообще жить хорошо.

— Раскладывай тарелки, – Ника сует стопку. – Макс, что там с мясом? – рдеет, глядя на мужа.

Огромный Ермаков внимательно следит за шампурами. Колдует что-то там.

— Пять минут, роднень, – срезает небольшой кусочек, – иди пробуй.

Ника срывается с места, побросав все на свете. Скачет к мужу вприпрыжку. Макс как на икону на нее смотрит. Так странно. Он как Халк. Грозный, небритый и в целом неприступный, а вон как на жену реагирует. Сует ей в рот кусочек и тут же страстно целует. Смеются.

Я отворачиваюсь. Неудобно так таращиться на чужое счастье. Но во мне просыпается художник. Я бы их портреты написала. Такие они неоднозначные.

— Бух!

Подпрыгиваю. Чуть тарелки не роняю.

Резко оборачиваюсь. Ну конечно! Кто же еще!

Бесаев стоит и мордой своей светит.

— Дурак, – отворачиваюсь.

Вот лучше ему сейчас подальше отойти. Он меня вчера достал. У меня на этого недоделанного аллергия.

— Опять начинаешь? – тычок в бок.

— Бесаев, – рычу. – Я тебе жить спокойно не даю? Что тебе от меня надо? Иди вон к своей даме. Она мне сейчас волосы вырвет за то, что трешься около.

Он оборачивается и дурашливо кричит, размахивая руками своей фэмфаталь. Она сегодня во всеоружии, как ядреная бомба. Густые стрелки и яркую помаду отсюда вижу. Пенн-вайз на выезде.

— Не волнуйся, – вытягивает сигарету. Закидывает ее в рот. Подкуривает, выдыхая густой сизый дым в сторону. Фуу. – Ей не о чем беспокоиться.

Натягиваю куртку пониже. Давид следит как мой поправившийся зад исчезает под одеждой. А я ругаю себя на чем свет стоит. Опять ведуся! Это комплекс уже. Надо как-то бороться иначе застебает сволочь окончательно.

Есть у меня одно средство массового поражения и плевать я хотела на всяких там.

— Не о чем, – фыркаю, раскладываю тарелки под каждого. Пренебрежительно отталкиваю Бесаева. – Кто на такого позарится.

— О как! – прищуривается. Задело да? – Какого такого?

Протискиваюсь мимо. Он даже не шевелится. Какая непростительная наглость, а. Плевать. Нагло лезу в узкую щель, задевая сволочь. Естественно, проезжаю бедрами по ... Это как вообще? Что за подростковая активность?

Возмущенно рычу. Треснуть бы по тому месту, которое в динамике двадцать четыре на семь. Краснею, как перезревший помидор, но упрямо не отхожу и подталкиваю тарелочку на самый край.

— Так какого?

— Раздолбая!

Рывком выдираюсь из тисков Бесаева.

Куда все подевались-то? Народа уже нет. Могучая кучка переместилась к речке. Стоят там смеются. На мангале шашлык сдвинут и прикрыт.

Брови Давида сдвигаются. Он уже не веселый и безбашенный. Злится прям. И меня перецелкивает, как старый черно-белый телевизор. Внезапно во мне просыпается художник.

Давид в моменте другой. Будто вышвырнуло из вечного придурочного состояния. Серьезный. Даже грозный. В целом ... Тааак ...

Как бы я его написала, а? Если портрет ... Хм ... Самое яркое – характер. Сочетание конечно было бы весьма интересное. Как вместишь две стороны ... Погодите ...

Смаргиваю. Какой на фиг портрет? То, что он играет эмоциями и становится в одночасье мгновенно другим не дает право думать, что Бесаев стоит моего времени. Он же ненормальный. И нечего тут плюсики выискивать.

— Эй, отомри. Что так залипла? – подкалывает. – Влюбилась все-таки. Я же говорил, что я красавчик.

— Ну ты и ... – вздыхаю обескураженно.

— Ага, – оглушительно свистит. – Народ, подтягивайтесь. Мясо стынет!

Глохну от молодецкого посвиста. В ушах гремит и трескается. Давид что-то говорит мне.

— А? – трясусь головой.

— В баню говорю с девочками пойдешь?

Зачем ему баня? Какая баня? Она же только вечером.

Глава 5.

О, одиночество, как твой, характер крут!

Посверкивая циркулем железным

Как холодно ты замыкаешь круг

Не внемля увереньям бесполезным

(Б. Ахмадулина – прим. авт.)

Макс перебирает струны. Ника задумчиво сидит рядом. А художница поет.

Сажу в кресле у камина. И впервые мне не хочется стебаться.

Кто где расположился. Булатовы на полу на шкуре сидят. Обнявшись, качаются в такт, смотрят на огонь в камине. Еще пара друзей с работы плывут под нежный голос Лины. Вон как на нее Канарейкин таращится, как кот на сметану.

— Какая муть, – заносчиво шепчет «моя» дама. Щелкает ногтями. – Современных песен не знает, что ли?

Вздыхаю.

Не знать Ахмадулину ... ну хз. Видать не всем дано.

И я познаю мудрость и печаль

Свой тайный смысл доверяют мне предметы.

Душевно выводит Лина.

Покачивается, закрыв глаза. Подаюсь ближе. Упираю локти в колени и слушаю. В затылок впиваются когти. Возюкаются, царапая кожу. Страхиваю. Не лезь ты!

— Дай послушать, – недовольно веду плечом.

Фыркает.

Природа, прислонясь к моим плечам

Объявит свои детские секреты.

Подключается почти все. Меня прошивает насквозь. Редкие минуты у нас такие. Когда вот так пронзительно и навывлет. Работа съедает почти все свободное время. Треша там — по макушку, но никто не жалуется. Все нормально.

И впервые в жизни я завидую парням. Сидят все такие влюбленные в своих. А я пока не нашел. Песня заканчивается. Мы все еще тонем в задумчивой дымке. Это так ценно, что ...

— А давайте выпьем! – моя сегодняшняя обоже вываливается сбоку. Гарцует к столу, берет свой бокал. Ножка в сторону, волосами тряхнула, все как положено, чтобы обратить на себя кроватное внимание. – Нагнали скуки. Макс, давай включим музыку повеселее. Мы еще в баню не ходили. Хватит хандрить.

Почему ее так прибить охота?

Все подтягиваются к столу. Разбирают бокалы, одна Лина грустная сидит. И как-то мне не по себе от этого от вида отрешенного.

Н-не ... Хорош. Не туда я поворачиваю.

Дурак внутри побеждает. Че там маскироваться-то! С веселой злостью подхватываю претендентку на веселую ночь и залихватски ору.

— Правда, что скисли? Свадьба у нас или что? Макс, пошли баню подкинем.

Лина так разочарованно выдыхает. Смотрит, будто я ей что-то должен. А я никому и ничего! Понятно?!

Опрокидываю стопку. Смачно засасываю леопардовую вместо закуски. Рвет в груди, тянет.

Канарейкин подходит и что-то Линке втирает. Она смущается. Кутается в пушистый плед. Одни пальчики голыми оставляет. Она без носков. Холодно же. Зарраза босоногая!

— Канарейкин, пойдешь с нами, – стягиваю с шеи цепкий хомут не глядя. Мое внимание занято. Он отмахивается. – Канарейкин!

— Да пусть сидит, – хватает за рукав Макс. – Дай им поговорить.

— Мгм, – несет напропалую по ебанутой причине. Какой? А я не знаю. – Ща дам.

Направляюсь за котом. Не хер эту сметану жрать. Не твоя она. Она ничья. Меня гребут.

— Да идем же, – с силой выволакивает. Отряхиваюсь от морока, как псина. Смахиваю с лица гримасу. Что это было-то? – Дав, – внимательно смотрит Ермаков. – Тормозни. Или туда или туда, сечешь?

Не секу.

Алкашка в башке гуляет. Мне ее надо вытравить. Иначе будет плохо.

— Давай в баню, – сквозь зубы тащу. – Че-то повело.

— Повело, – вываливаемся на улицу. – Ой, как повело, – ржет, скотина.

Огибаю Макса, молча топаю в баню. Жарко тут. Подкидываю дрова, проверяю все на наличие. В предбаннике большой стол. Там чай, вкусы разные. Девчонки уже успели накрыть тут. Ну и пивас, конечно.

— На мою не смотри, – предупреждает Ерема.

— Че?

Не понимаю.

— Мы с девчонками парится будем, – нарочито грозно рычит. – На мою не смотри, – повторяет.

— Дурак? – выверяюсь. – За это можешь не выговаривать.

Потом до мозгов доходит.

То есть как это. Вместе?

Присаживаюсь на лавку. Зашибись, чо.

Глава 6.

— Ты в простыне парится будешь? – с надменным смешком интересуется Лола.

Как выяснилось так зовут леопардовую даму.

— У нас дресс-кода нет, – пожимаю плечами.

Быстро заплетаю волосы в косу. Мне если честно вообще в баню не хочется. Настроение пропало. Мужчины сидят там уже давно. Жар ого-го, а я его не очень переносу. Но мне надо чем-то себя шокировать, поэтому все же решаюсь.

Лола медленно встает нарочито демонстрируя нам безупречную фигуру. Пышная грудь, узкая талия и красивые бедра. Все это упаковано в мини-бикини.

— Пойду, девочки, – напоследок выпивает бокал шампанского. Вот странная. Я бы никогда не решилась на алкоголь, а она не стесняется. Хлебают будь здоров. – А то Давидик без меня заскучает.

Виляя достоинством, распаивает дверь.

— Маальчикии, к вам можно? Ой, – шаловливо взвизгивает, – как жарко. Давид, ты ...

Дверь закрывается.

Ника осторожно выдыхает. Задумчиво собирает волосы в пучок.

— Лан, с какой она стороны-то была на свадьбе? Всех перебрала, не могу вспомнить.

Лана распускает узел простыни, натягивает шапку для парилки.

— А я не знаю. Не с моей точно. Какая важная, да? – изображает Лолу, как она томно порхает ресницами. – Такая прям уси-пуси-лилипуси. Давидик, – пищит.

Прыскаем со смеху. Не прижилась она у нас. Лола больше с мужчинами в компании. Вставляет там свои пять копеек, они из вежливости слушают.

— Липучка. Поражаюсь, Бесаев нормальный парень. Зачем ему эта курица размалеванная? – недоумевает Ермакова.

— Не говори. Но ты же знаешь Даву, – Лана допивает свой жасминовый чай. – Там кроме одной ночевки ни черта не светит. Так, – небрежно отмахивается, – очередной расходник. Лина, идем?

Мнусь и ежусь.

Честно?

Я стесняюсь. Купальник раздельный. И я не думала, что придется париться с парнями. Выделяться и выделяться не хочется, но если бы знать, то взяла бы слитный. Не в лучшей форме я сейчас. Правда комплекую. Бывает у нас такое у девочек, что поделаться. И Лола эта еще так поглядывает на всех свысока.

— Девчонки, – мучительно краснею, – понимаю, что не перед кем, но что-то я ...

Ника и Лана разом оборачиваются.

— Стоямба! – стучит по столу Ника. – Что такое? Давай как на исповеди.

Сползаю по стене. Они же свои, им можно. Поэтому зажмурившись, выпаливаю.

— У меня жопа толстая.

— Пхах! – Лана давится смехом. – Снимай простынь и разворачивайся.

— Вы чего? Офигели?

— Снимай! – стучит по столу Ермакова.

Переглядываются с Ланой. В глазах воинственность и решимость оценить мой зад беспристрастно. На самом деле знаю: догадались девочки, что меня зацепило. Такая я ранимая, ага.

Стягиваю ткань и даю обзор.

Позади меня рокот то ли восхищения, то ли осуждения. Растерянно оборачиваюсь.

— Зачет! – показывают обе два оттопыренных пальца. – Самый сок.

— У меня такая же, – встает Ника, – смотри!

Да. Такая же. И, кстати, очень ничего смотрится. Не такая уж и большая!

— Сказать по секрету? – понижает голос Лана. Из парилки несется молодецкое гиканье. Слышится возня и хлесткие удары. – Они тащатся от таких. Тощие попы любят единицы. Прямо единицы! А ты, Лин, огонь-девка. Вот ты ноешь, что эти три несчастные килограмма набрала, а тебе без них хуже было. У красивой девушки попа просто обязана быть!

Ника важно кивает.

А правда, что это я? Слова девочек меня очень бодрят. Плевать там на всякие идеальные фигуры. Я такая какая есть, я прекрасна, а остальные пусть идут в баню.

Скидываем простыни, надеваем шапочки.

— О, боже, – хапнув горячего воздуха пищит Ника, – что за пекло!

Крадемся по стеночке и присаживаемся на самую нижнюю полку. Привыкаю долго. С трудом выравниваю дыхание. Пар. Жар. Хохот. Благо места много. Тут метраж закачаешься. Девчонки располагаются рядом, укладываются поудобнее.

Сквозь пар вижу, как на лавке лежит Саша. Макс в низко надвинутой шапке парит его с двух рук. Спина огненная. Булатов довольно рычит. Просит еще. Боже мой! Вот мазохист.

Меня прошибает жаром и тихонько расслабляет. Уже есть силы перекинуться парой слов, даже посмеяться над Сашкой, которого все-таки умотал Макс. Саша вылетает из парной. Слышится удалецкий ор и звук льющейся воды. Опрокинул на себя ледяную. Кошмар!

— Детка, иди сюда, – Макс манит Нику. – Ложись.

— Не-не-не, – сматывается на полку повыше. – Я еще не вспотела как надо.

— Даа?

От его «даа» и жаркого взгляда становится неудобно. Блин, вот я зажата. Ну любят эти двое друг друга до одури. Ника игриво хихикает за моей спиной. Макс бросает веник.

— Тогда я к Сане. Гляну, чтоб молодцом был. Ему еще отрабатывать. Меня парить.

— Я тоже остыну, – отлепляется от стены резиновая Лола.

Шатаясь, выходит.

Боже, какая дура безголовая. Слышу, как недовольно шипит Лана.

— Дав, ну вот что ты? Припер ее сюда, – смотрит на самый верх.

— Я?! – красный как рак Бесаев сползает вниз. – Она сама приперлась.

— Ну ты же с ней, – морщит нос.

— Я?! – Бесаев поправляет максимально короткие шорты. Где только взял такие. Натягиваю пониже шапку. Закрываюсь. Чего я там не разглядывала? Мощные спортивные бедра и грудку стальных мышц. Вот еще! – Бог с тобой. От скуки с ней маюсь.

— Шалопай, – швыряет в него веник.

— Ага, – лыбится как дурак.

— Девчонки! – наперебой зовут своих мужья.

Они срываются с полок и несутся к ним. Дверь хлопает и вуаля. Не успеваю ... я ...

Остаюсь один на один с Давидом.

— Как дела? – подмигивает. Нагло ощупывает взглядом все точки практически голого тела. – Не жарко?

Глава 7.

Ну вот и все. Злорадство захлестывает злобным капюшоном мозги.

Щас ты веником отгребешь по самые помидоры, певичка канарейкина. Толкаю свободную лавку к двери, перегораживаю выход.

Вторую ставлю ровнее, поминутно поглядывая на Лину.

— Ты что делаешь? – подозрительно.

— Не видишь? – хлопаю по деревяшке. – Ложись!

Командую, поверчивая веник в руке как саблю. Прямо наебываю им, как казак. Даже шапку войлочную набекрень сдвигаю.

Ой-ся ты, ой-ся, ты меня не бойся. Я тебя не трону, ты не беспокойся. (рус. народ. песня – прим. авт.)

Напеваю.

— Давай, Лин. Мы же парится пришли.

— Ты дурак? – подсказывает, опасно таращась.

— Почему это?

— Я с тобой парится не собираюсь. Выпусти.

— А что мордой не вышел?

Меня снова несет. Какого в невменоз впадаю, сложно ответить, но я сука туда не впадаю, я влетаю.

— Погоди, ты пьяный?

Есть капля, но хер там признаюсь. Почти все вышло. Макс все выхлестал, пощас спина стружкой сходит. Так вениками отходил, думал кончусь на этой самой лавке.

— Не. Я как стекло.

Лина подпрыгивает, подходит ближе. Нагло разглядываю ее прелестные прелести. А она очень даже аккуратненькая. Сисечки прям такие, так и хочется потрогать. Вон как выпирают. И, конечно, жопка огонь. Бедра, кстати, тоже заманчивые.

— Глаза протрешь!

— Они застрахованы, – ляпаю.

— Ммм. Иди к своей даме, Бесаев. Что ты ко мне прилип, как банный лист к жоп ...

Зажевывает слово.

— Вот видишь, Лин. Все наши разговоры к твоей подушечке скатываются.

— Чтооо? Подушечке?

— Ага, – делаю шаг ближе. – Пора на экзекуцию, художница незамутненная моя.

Если бы я знал, то никогда не подошел. Никогда!

Только и успеваю заметить потрясюще быстрый хват шайки с водой. Все как в кино. В морду мне летит вода, таз падает прямо на пальцы ног, отбивая их к такой-то матери.

Что-то с сознанием и телом приключилось, раз отреагировать не успел. На трениях бы парни засмеяли.

— Аааррр, да чтоб тебя! – с тусклым ором падаю на пол, хватаясь за пальцы.

Лина перемахивает через меня. Ужасный скрежет лавки заставляет изогнуться на мокром полу. На черта я развернулся посмотреть?!

Витым набалдажником ножки припечатывает в лоб. Из глотки неконтролируемо льется луженый вой. Мне впервые в жизни больно жечь как.

Я ... Че эт ... Трясу головой. Пытаюсь встать и никак. Больно! Что происходит, а? Очумело плююсь в потолок.

Как можно скалиться при ранении, держаться так, что врачи обалдевали и охренеть от удара тазиком с деревяшкой?!

— Встану. Найду. Задушу, – с трудом сажусь на полу, пытаюсь поймать реальность. Наконец наступает долгожданное просветление. – Долбанутая! – ору Линке в спину.

— А ты придурок неотразимый!

Зажав лоб, пытаюсь подняться. В парилку влетают мои.

— Чо такое? – Саня подает руку.

Сжав зубы, цепляюсь.

— Попарить хотел. Ничо .. такого. Мммх, – скрежещу.

Слышу, как в углу загибается от хохота Макс, следом как девчонка прыскает Саня. Вот это не друзья.

Гандольеро в лодке они. Вот кто!

Держусь за стеночку. Из парилки выхожу на пятках. Пальцы ... Ооо, бл ... Ничосе. Вот козень она. Зараза попастая.

Глава 8.

— Что за грохот?

Отмахиваюсь и накинув офигительно большой мужской тулуп, спешу на воздух. Плевать на пневмонию. Лучше помереть, чем расплачиваться сейчас за попытку обезвредить преступника. Юркаю на выход мимо всех. Бегу, как таран на ворота. Сшибаю по пути покачивающуюся леопардиху.

— Где тут поспать можно? – озирается.

Ооо, развезло-то как. Останется Бесаев сегодня без сладкого на ночь. Королевишна его в беспамятстве пребывает.

— Лин, ты куда? – хором кричат девчонки.

— Сейчас я.

И фьить!

Глотаю воздух огромными порциями. Отбила пальцы, в лобешник Бесаева нечаянно оприходовала. Он там живой вообще? Секунду жрет чувство вины, а потом приходит злость. А нечего! Парить он меня собрался.

Да меня без моего согласия. Без моего разрешения! Пальцем никто и никуда и ни во что. Не то, что веником! Заррраза!

До ушей долетает мощных хохот и недовольный голос Давида.

Живой. Фу-х. Колотящееся сердечко отпускает.

Они там ржут, а мне обидно. Цель насмешки выбрал гад этот? Что я ему сделала?

Понимаю, что смешно может и все такое, но почему именно прилетающее от Бесаева кажется настолько обидным? Далась я придурку.

Зад его не устроил! А меня он устраивает. И девчонки вон говорят, что все ок. Чего прилепился?! Ору в душе. Скотобаза мышцатая.

— Лина, – укутанные Ника с Ланой выходят. Тихонько становятся рядом. – Мы ему сказали. Не переживай.

— Мгм, – пишу. – Да мне все равно. Просто тазик неудачно упал.

— У него такая шишака на лбу, – не выдержав, закатывается Ланка. – А-ха-ха! Пр... ростииии ... Не могууу ... Ой. Не могууу.

У Ники начинает трястись плечи от смеха. Виновато смотрят и не могут остановиться. Ну что с них взять. Смехотушки мои ненаглядные.

— Его так еще никтооо ... Ха-ха-ха ... не отшивааал. А-ха-х! Фуу-х!

— Не придумывайте, девочки, – отгораживаюсь. – Давид пьяненький был. Ничего такого.

Навешали уже того, что нет. Вот фантазия какая у друзей, ну куда сочинять-то? Просто обстоятельства и всем весело, вот и разыгралось воображение. Никто же не думал, что придурочный вход перегородит. Вот все и подумали лишнего.

— Ды даа, – успокаиваются.

— Что там с дамой его? – спрашиваю.

Чисто ради интереса.

— Он уже забыл про нее, – отмахивается Лана.

Дверь распаивается. Невесть откуда взявшийся Канарейкин тащит Лолу, неэлегантно перевалил через плечо. Пришел, наверное, пока мы в парилке были. Спрашивает Нику куда положить сей ценный груз. Болезнь «перепил» внезапно организовалась у томной соблазнительницы. Ника подробно объясняет под невнятное мычание Лолы.

— Какая интересная дамочка, – задумчиво комментирует в след. – Хотела с помощью алкоголя придать глазу шаловливый блеск и ужралась вусмерть. Да уж.

— Да уж, – вторим ей.

— Лин, ты с ума сошла? – возмущается Ермакова.

Непонимающе смотрю на нее. Она сердито опускает взгляд вниз и выразительно показывает на мои стопы. Блин, я в сланцах. Рука-лицо. Поджимаю пальцы. Ведь стояла одна и ничего не чувствовала, а теперь прям капец как холодно становится.

— Немедленно заходим, – безапелляционно толкает нас Лана.

Я цепляюсь носком, чуть не падаю. Хватаюсь за притолоку, утыкаясь во что-то голое. Что это?

— А че эт мы тут падаем?

Провались ты пропадом, паяц!

С тоской наблюдаю, как девочки удаляются. Мне же опять предстоит поединок с судьбой. Только в этой раз ни тазика, ни ножки от крепкой лавки. Отступаю назад.

Бесаев в одном полотенце. От влажного тела валит пар. На лбу правда шишка, но то ли подружки преувеличили, то ли она сдулась уже. Так, ссадина. Ничего сверхвыдающегося. А пальцы да, счесаны капец как. Но хоть не отвалились и то дело.

В общем урон считаю незначительным, так что ...

— До свидули! – гавкаю, как овчарка.

— Давай покусай еще вдобавок, как раз не хватало, – выщемляет назад в как это в бане называется? Прихожая? Бросает передо мной короткие валенки. – Обуйся. Ноги отмерзнут.

— Обойдусь без них, все равно ухожу, – пытаюсь как-то обтечь мускулистую гору тела.

— Стой, Лин, – хват заставляет вздрогнуть. – Давай поболтаем немного. И обуйся говорю. Холодно!

Глава 9

— Давид, – на него не смотрю. Не хочу и все тут. Что я там не видела? Ходит тут голым. Дурак! Он к даме вышел или где? Мог бы и срам прикрыть. Выпячиваю губу, назидательно философствую. – Я понимаю, что наш диалог сложился несколько, – закатив глаза, щелкаю пальцами, – неподобающим образом, но смею заметить, что произошедшее ... эээм ... в парной никоим образом не преследовалось мной в целях ...

— Эй, – присаживается, заглядывая в глаза. – Але! Аллеее! Я на лекции что ли какой? Хер понял?

— Кхм, – выразительно- терпеливо кашляю.

Так ...

Скажите мне, господа? Какого черта, как только ты пытаешься блеснуть словарным запасом и вывести диалог на новый уровень, чтобы не думали там всякие, что все женщины сводятся к уровню леопардовой зоны глубокой депиляции мозга и в целом способны вербально решить проблемы в качестве ...

Поднимаю глаза.

Господи.

Ну перед кем я стараюсь, а? Лупится, как Алеша Попович в одноименном мультике. Накидываю броню глубже, потому как чувствую той самой точкой, не отошью сейчас любыми способами, хлебну я горюшка. Не то, что Бесаев пристаёт. Я работаю на опережение.

— Лин, ты че? – обескураженно спрашивает. – Перегрелась что ли? Выражение лица смени пожалуйста, а то мне прям не по себе.

— В смысле?

Вытаскивает сигарету. Закуривает, размахивает дым возле меня. Не вынеса вонищи, оглушительно чихаю.

— На математичку сейчас мою похожа. Та, как заводи́ла про свои формулы-хуермалы, меня в пот кидало. И главное, лицо один в один. Прикинь? Выражение в смысле.

Снять, что ли, валенок дать Бесаеву по шее? Или бороться бесполезно?

Уныло набираю воздух.

Плевать на все.

Устала от возни.

Пойду я прочь.

— Давид, – впервые по-человечески говорю. – Хватит вести себя, как дети. Извини, что я сок на тебя пролила и все такое. Но ты тоже хорош, – не забываю на его косяки указать. – Хватит задирать. Не знаю какие цели преследуешь, поверь ты не в моем вкусе.

Бесаев внимательно слушает мою тираду. Поглядывает сквозь ресницы, такой весь из себя. Но что-то цепляет все равно. Хочешь не хочешь, красивый подлец. Это так я, к слову, говорю. Мне так-то другие парни нравятся. Посубтильнее, попроще и вообще.

Я замолкаю, он отвечать не спешит. Стоит себе, пускает густой дым кольцами. Так и будем медитировать, не понимаю!

— А кто в твоём вкусе? – небрежно.

Играет надменно бровями.

Не хочет по нормальному. Видно по лицу. На хрена тогда выперся? Продолжить разговор в стиле детсад штаны на лямках. Да кто его такого на работу взял? Он же абсолютный конченный раздолбай.

— Леха Питковский (искаженное вы сами знаете чье имя, – прим. авт.) Он хотя бы умный и поговорить есть о чем.

— О как, а че у меня херовая шапка? – стягивает. Пристально рассматривает. – Не таблетка канеш, как у него, и кабриолета у меня нет, но в целом я тоже зачет.

Глаза дальше не закатываются. Я бы закатила, но физически места больше нет. Если поднатужиться, назад они не вернуться.

— С тобой говорить бессмысленно. Паяц. Пусти, я замерзла.

— Стой, – взгляд мимо меня. Наклоняется к ушку и так проникновенно раздает. – Мне бы только смотреть на тебя, видеть глаз злато-карий омут и чтоб, прошлое не любя, ты уйти не смогла к другому. Поступь нежная, легкий стан, если б знала ты сердцем упорным. Как умеет любить хулиган. Как умеет он быть покорным.*

(Любимый мой Есенин – прим. авт.)

Замираю под шепот. Меня буквально парализует. Он так читает стихи, что сердце колотится как сумасшедшее. Стихи наспех не выучены, Давид их определенно знает, раз так умело расставляет интонационные паузы. В шоке поднимаю на Бесаева взгляд.

Что происходит? Какого черта он меня мучает? Или поражает. Я не знаю.

— Шаганэ, ты моя, Шаганэ, – продолжает, пристально глядя в глаза, – Потому, что я с севера, что ли. Я готов рассказать тебе поле. Про волнистую рожь при луне, – затягивается. – Достаточно?

Отмираю. Меня буквально вырывает из плотного слоя.

— Что?

— Достаточно? – злой прищур.

— Чего достаточно?

— Того, блядь! – тушит окурок. – Понять, что я не тупой качок!

— А причем тут это? – теряюсь.

— При том, Лина. У тебя на лбу презрение ко мне большими буквами написано. Начиная с того сраного кафе, заканчивая сейчас. Вот поэтому тебе за жопу прилетело. Хотя она у тебя очень даже ничего.

— Замолчи, – останавливаю.

Мы стоим как две бойцовые собаки. То грыземся, то в ожидании. Только чего? Собаки хотя бы знают, что делать дальше, а мы нет. Вот я не понимаю, он так клеит меня или где? Что это блин такое? Что сие значит, ааа?

Да с какой стати. Почему я должна подстраиваться под его дурацкие выверты?

— Короче, я приходил мириться. Извини.

Не затягиваю паузу, хотя насмерть обескуражена происходящим. Вида не показываю. Подумает еще, что меня стихи Есенина наповал сразили. Хотя да. Сразили. Это же Сергун! (так называли Сергея Александровича друзья – прим. авт.) Золотая голова. Устоять без вариантов.

— Извиняю.

— И все? – округляет глаза.

— Что-то еще?

— А ты извиниться не хочешь? – застывает в ожидании.

П-ф-ф.

— Я? – думаю очень внимательно. Так ... Там еще цветы сломанные были. Пожимаю плечами. Улыбаюсь – Нет!

Сматываюсь.

Глава 10.

Стоять голожопым на морозе и думать – это мое все. Остальное так себе. Стихоплет-с. Поперло в поэзию, мать твою.

Поднимаю ворот бушлата, зло пялясь в темноту. Хотя какая темнота. Звезды тут загляденье. Задираю голову. Как на ладони лежат.

Красота. Тишина. Благодать.

И зараза эта.

Передергивает аж.

— Словил клина, – пораженчески бурчу.

Тут можно говорить. Никто не увидит. Все спят. Время часа три ночи. Или утра. Похрен какое время суток. Все равно не до сна. Все подружки по парам, а я в гордом одиночестве. Алкашка Лола спит как сурок, да и не очень-то и хотелось. В смысле хотелось, но не с ней.

Короче! На хрен!

Не извинилась.

Вот козень. Ни в какие ворота. Прочесываю пятерней затылок, пытаюсь расчехлиться, что Линка себе вообразила? Да от меня все девки тащатся. Мне ничего делать не надо, они сами в руки падают.

Только этой барыне не зашло.

Видите ли я, типа, недоразвитый? Ни хера не угадала, дорогая. Про поэзию слыхала? Это я тебя еще на выставку Рубенса* (знаменитый художник на картинах которого дамы размера иск-эль – прим. авт.) не водил. То есть ... как раз на эту выставку не поведу. Иначе сожрет с костями. Можно на ... на ... Шишкина* (знаменитый художник, славящийся прекрасными картинами о природе (и не только) – прим. авт.)

Ббиваюсь затылком в торец дома. Дожил, блядь. Сам с собой разговариваю. Доказываю стенке от дома, что я не пустоголовый. Провались пропадом тот момент, когда с Линкой зацепился. Не мучался бы. Теперь из головы не идет.

Хлоп. Скрип. Скрип.

Я же не пьяный? Встряхиваюсь, как псина. Нет. Все нормально. После парилки ни капли. Тогда почему слуховые галюны наступили? Цепко осматриваю территорию. Бесшумно подхожу к углу. Протираю глаза.

Фигура. Женская.

Волосы наядовской волной по спине рассыпаются. Колышутся в полном безветрии. Шелковистая жемчужная ткань сливается со снегом. Такое ощущение, что призрак не идет, а плывет. С развесистого куста неожиданно взлетает огромная птица. Наяда тихонько взвизгивает, разгоняет нежной рукой сыплющийся снег и, рассмотрев улетающие крылья, тихо хохочет.

Замираю.

Га-лю-ны ... Не дай бог. Протираю снегом лицо. Но как же красиво-то.

Переливчатый хрустальный смех трогает затаенные навсегда засекреченные струны души. Она у меня есть, да. Спрятана, как кощеева смерть, но это не важно. Душа звенит сейчас.

Наяда поднимает голову к звездному небу и, мне кажется, что свет небесных тел оттеняет ее кожу. Играет, переливается. Мраморная, воздушная, такая красивая девушка.

С трудом двигаю пальцами рук. Как в сонном параличе сейчас плаваю. Колдовка какая-то. Чародейка. Неужели чудится?

Раскидывает руки, кружится. Волны ткани облепляют ноги, а потом разлетаются. Мелькают коленочки. Волосы тоже разлетаются. Поет что-то. Изо всех сил реанимируюсь, прислушиваюсь.

— Даже если землю покроют дожди, солнце раствориться в бездонной ночи. Чувствуешь свет изнутри? Это любовь, что озаряет вес мир.*

(Любимая песня героини, Мирави – прим. авт.)

Подождите ...

Отмираю.

Лина!!!

Меня вышвыривает из потустороннего. Очумело моргаю. Это что такое? Почему не спит? Куда идет? Что происходит?

Лина прибавляет шаг, быстро скрывается в бане.

Какого черта?

Кстати, о нем. Там колдуют, да? Бабушка в детстве что-то рассказывала. Так и знал, что она ненормальная. Вот, сошелся пасьянс. Отмираю окончательно. Ну шибанутая, хуле. Кто будет мотаться посреди ночи по баням? Только ведьмы! Поэтому меня к ней и тянет. Пасьянс сошелся.

Сейчас я тебя, моя хорошая, рассекречу. Что ты, кто ты и чем дышишь. Вот вам и скромница с претензиями.

Тихо направляюсь за ней. Пока иду, ересь в башке перебираю. Я, наверное, окончательно крышей поехал, если в Лине пытаюсь этакое нарыть. Вот нельзя просто признаться себе, ты идешь потому, что в шоке от неземной красоты девушке. Сразили тебя наклеп танцы под звездным небом, че наворачивать мистификацию.

Но с другой стороны ...

Тихо поднимаюсь по порожкам. Света нет. Тускло мерцает фонарь внутри.

Красивая Линка, сил нет. Мелькают в сознании кадры, где она в купальнике. Грудь, талия, бедра молочные. И попочка сладенькая. И губки у нее вау-вау. Едва не задохнувшись, сгибаюсь пополам.

Вот тебе, Бесаев, лови приход. Ходил неделю нетраханый, ешь результат.

С минуту борюсь с собой, а потом сдаюсь.

Я ее хочу. Ясно? И не хрен тут рассусоливать.

Перемахиваю ступени, как жеребец в гоне. Внутри все дрожит. Пах ощутимо ноет и сердце колотится. Будь что будет, но я сегодня эту наяду трахну так, что потом сама просить будет.

Тяну дверь на себя, в темноте тихо захожу в предбанник. Моргаю, привыкая к полумраку. На столе стоит навороченный фонарь Макса, светят боковые стороны.

А где она?

Пригибаюсь.

На полу стоит Лина. На четвереньках.

От вида дурею. Она под широкой лавкой. На обозрение только попочка выставлена. Подол аккуратно подобран, чтобы не испачкать, и я ... вижу. Тонкая ажурная полоска трусиков туго перерезает плоть. Вид такой, что у меня встает как статуя. Забываю, как дышать. По спине художницы струятся волосы. Лина что-то шипит, нашаривая рукой.

— Помочь? – сиплю.

Лина визжит. Мгновенно вылетает из-под треклятой лавки. Сверкает всем, чем не попадая. Тонкие бретельки соскальзывают и мне в целом — полный шиздец. Успеваю заценить все. Каплевидную упругую грудь, обнаженные ноги, на которые Линка судорожно пытается натянуть подол. Испуганные огромные глаза.

— Давид!

— Мгм.

— А я... это, — вытягивает ладошку. — Телефон потеряла. Не спалось и ... вот.

Моя ты хорошая. Не спалось. Как во сне отлепляюсь от двери. Иду к ней.

Глава 11.

Откуда он? Я же сто раз проверила, чтобы все спали. Пол в прихожей скрипит в абсолютной тишине особенно громко. Что-то там у Макса с ламинатом. Я побоялась разбудить народ, когда обнаружила, что забыла телефон в бане. Ждала пока все уснут крепким сном.

Зачем? Просто я ...

Заткнись, Лина! Ты не хотела пересекаться с Бесаевым. Именно поэтому. А то зря ты крутилась, злясь на весь свет, представляя его голеньким. Ооо! Краска смущения выжигает щеки.

И вот твои грезы стали реальными.

Запахнув одежду до треска швов, очумело сканируя странного Давида. В полутемном помещении он кажется чистым оборотнем. Даже глаза сверкают. Жутко.

— Чего же тебе не спалось?

Медленно подходит. Бесшумно. Будто хищник добычу стережет. Поджимаю ноги, вжимаюсь в стеночку. Какой хищник? Я видела в «Сумерках» (фильм по мотивам С. Майер про вампиров – прим авт.), как кровососы отслеживают добычу. Вот так же медленно и внимательно смотрели бешеными глазами, а потом кааак бросятся и все! Хана.

Давид далеко не Эдвард (гл. герой указанного фильма – прим авт.), чтобы пить кровь кого попало в лесу найдет: оленей там или косуль. Слабак дефективный этот Каллен (я ничего против героев саги не имею, это мысли Лины в моменте – прим авт.). Бесаев сожрет плоть и не подавится. Еще и добавки попросит.

— Читала ... я ... – блею, как бедная овечка.

Бесаев неспеша обходит стол и слегка нагибается.

Божеее! Зачем он губы так облизывает свои. Заторможенно таращусь на форму рта. И несмотря на дурацкий щекочущий нервишки страх, восхищаюсь. Какая безупречная линия челюсти, какой шикарный подбородок. Для портретного рис ... Да что такое! Не буду я его писать. Все!

— А что же ты читала? – сверкает клыками.

Только теперь вижу какие у него белоснежные зубищи. Чем он их натирает не понятно. Сверкает ими как собака Баскервилей (собака из книги о Шерлоке Холмсе К. Дойла – прим авт.).

— Ты не мог бы включить свет? – прошу.

А то мне до инфаркта недалеко. Щас еще на тебя пару раз взгляну, воображение дорисует всякого и туши свет, делай ночь. Вот такой рубец будет, вскрытие покажет.

Ох уж моя безудержная сексуальная фантазия.

Оп! Хлопаю глазами. То есть не сексуальная, а просто фантазия.

— Без света лучше, – еще сильнее лыбится.

Как дурак.

И меня отпускает. Слава богу колдовские чары рассеиваются. От облегчения даже ноги начинаю чувствовать, думала все — каюк. Кладу ладони на лавку, подняться не успеваю. Лечу в воздух, как на дельтаплане, который ни фига не помогает. Руки слишком наглые у водителя адской машины.

— Темнота – друг молодежи, – приземляет на стол и нагло вклинивается между ног.

От неожиданности едва успеваю упереться руками позади себя. Волосы от рывка ожидаемо падают на лицо и грудь. Отплевываюсь.

Он слишком близко. Слишком дерзкий. Слишком наглый и уверенный в себе. Я потеряна, дезориентирована и очень взволнована. Расфокусировка на все сто.

— Давид, – пытаюсь отодвинуться дальше. Он уверенно держит мои разведенные бедра. Не отпускает. Пальцы с аккуратно подстриженными ногтями вдавливаются ощутимо и очень властно. Опускаю взгляд на его спортивные. О, Боже! Зажмуриваюсь. – Отойди от меня, пожалуйста.

Вцепляюсь в запястья и ничего. Вместо того, чтобы с воплем отодрать, просто держусь.

— Нет.

Голос хриплый, низкий. Это не голос, это рокот. Бархатный и опасный.

Плыву. Бесаев смотрит на меня, как голодный на пиру. Нет в глазах больше насмешки, там лютое вожделение. И что делать, если у меня секс последний в 1917 году был? Я уже уверена в том, что снова девственница.

Давил смыкает руки за спиной, ощутимо давит на поясницу, заставляя прогнуться. Глазит где-то там так, что меня подкидывает от разрядов тока. Как же чувственно. Ммм.

Еду по гладкой поверхности стола, стыкуюсь с Бесаевым. На последнем сантиметре так лоб в лоб влетаем, что едва трупы не спадают. Одновременно звучим. Я вскрикиваю, Давид глухо стонет.

— Лин, – плотнее к восставшей башне прикладывает. Между ног не то, что пульсирует. Там разряды взрываются. – Лина ... Нельзя танцевать под луной. Я от этого дурею.

— Д-ды-а-а?

Что-то происходит с мозгом. Он растворяется и исчезает. На его месте колыхается похотливая серая субстанция, которая плевать хотела на последствия и напрочь забыла, как этот безумно секси-мужик стебал меня чуть ранее, буквально день назад. Остатки разума подавлены в зародыше.

Проклинаю себя за это, но не очень. Если сейчас и будет секс, то следующий точно через лет сто. Мужики меня не выдерживают. Я не такая, как все. Требований у меня ...

Господи! Да сорви ты уже с меня трусы! Самой неудобно проявлять инициативу.

Вцепляюсь когтями в Бесаева. Что подумает, если сейчас просто потрюсь о его шлагбаум? Ммм, блин. Дайте мне бром? Интересно он женщинам помогает?

— Это спонтанно было. Люблю снег весной. Прямо обожаю.

Что я несу?

По груди ползет наглючая лапа Давида. Завороженно смотрю, как он наблюдает за тем, как распахивает хлипкую одежду, обнажая все что вздумается. Я так легко сдалась? Да, Лина. Ты ненавидела его буквально недавно, что же теперь выбросила белый флаг-то? Причем вместе с трусами! Возьми с полки пирожок за заслуги защиты половой чести женского рода. Миссия провалена!

Иди ты к черту, мой внутренний голос.

Так приятно от касаний. Так нежно.

— Ты такая красивая там была, — шепчет. — Наяда моя, — целует в бьющуюся жилку на шее. — Твои волосы шикарные. Не стриги их никогда. Ладно?

Па ... пачиму ... не стричь. Он же не собирается ... То есть мы же не планируем ... Это ж так ... На один разок и ааах! Боже мой. Ооо!

Подаюсь вперед.

— Только раз, — сквозь поцелуи шепчу ему. — Один. И завтра все забудем.

— Раза мне будет мало, — улыбается, резковато сдергивая с меня бретели. Оголяет пояс сразу. Жадно разглядывает грудь. Под его взглядом покрываюсь мурашками. Очарованно касается сосков и меняется в лице. Становится темным, непредсказуемым и очень опасным. — Поверь и тебе тоже.

Ноющую грудь опалает влажный ожог.

Глава 12.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.